

Клайв Стейплз Льюис

Серебряное кресло

Глава ПЕРВАЯ. ЗА ШКОЛОЙ

В тот скучный осенний день Джил Поул плакала, стоя позади одного из школьных зданий. Плакала она потому, что ее дразнили. Наша история вовсе не о школе, так что о ней много рассказывать не стоит. Мальчики учились там вместе с девочками, и в старину такие заведения называли школами смешанного обучения. Только если где что и смешалось, так в головах начальства. Эти горе-учителя считали, что детям надо позволять все, что им нравится. Как на беду, десятку ребят постарше больше всего нравилось дразнить и мучить остальных. В любой другой школе навели бы порядок за пару месяцев, но в этой творились жуткие вещи. А если что и всплывало на свет Божий, то никого не наказывали. Директриса заявляла, что это – «интересный случай», вызывала провинившихся и часами с ними беседовала. Тот, кто знал, как ей подыграть, мог даже стать ее любимчиком.

Вот почему Джил Поул и плакала скучным осенним днем на мокрой тропинке между физкультурным залом и зарослями кустарника. Она еще вдоволь не наплакалась, когда из-за угла вылетел, чуть не наскочив на нее, насвистывающий мальчик – руки в карманах.

– Ты что, слепой? – спросила Джил.

– Ладно, – начал было мальчик, но тут заметил ее заплаканное лицо. – Чего это ты, Джил?

Губы у девочки дергались. Так всегда бывает, когда хочешь что-то сказать, но знаешь, что расплачешься, едва откроешь рот.

– Значит, опять они, – нахмурился мальчик, еще глубже засовывая руки в карман.

Джил кивнула. Обоим и без слов было понятно, о чем речь.

– Слушай, – сказал мальчик, – ну что толку, если мы все... Он думал ее утешить, а вышло, будто начал читать лекцию. Джил вдруг вскипела, да и как не вскипеть, когда не дают выплакаться.

– Вали отсюда, – сказала она. – Тебя забыли спросить. Тоже мне, учитель выискался. По-твоему, значит, надо к ним подлизываться всю жизнь, и, вообще, вокруг них плясать, да?

– Господи, – сказал мальчик. Он присел на травянистый пригорок под кустами, но тут же вскочил, потому что трава была жутко мокрая. Звали его Юстас Ерш, но был он парень ничего. – Джил! Это нечестно. Я в этой четверти ничего подобного не делал. Ты что, забыла, как я за Картера вступился, ну тогда, с кроликом? И Спиввинса я не выдал, даже когда меня колотили. А помнишь...

– Ничего не знаю и знать не хочу, – всхлипнула Джил.

Юстас понял, что она еще не пришла в себя и протянул ей мятный леденец, положив такой же и себе за щеку. Джил понемногу успокаивалась.

– Ты извини, Ерш, – сказала она. – Это, правда, нечестно. Ты в этой четверти очень хороший.

– Ну и забудь, какой я раньше был, – сказал Юстас. – В прошлой четверти я точно был скотина.

– Был, был, – сказала Джил.

– Значит, ты думаешь, я изменился?

– Я не одна так думаю, – сказала Джил. – Они тоже заметили. Мне Элеонора Блейкстоун сказала, что про тебя Адела Пеннифазер говорила у нас в раздевалке: – «Этот мальчишка, Ерш, он в этой четверти совсем плох. Но мы им скоро займемся».

Юстас вздрогнул. Все в этом заведении – а оно называлось, к слову, Экспериментальной школой, – знали, чем такие слова пахнут.

Дети замолчали. Слышно было, как падали капли воды с листьев лавра.

– А почему ты так переменялся? – спросила Джил.

– Со мной на каникулах случилась куча интересных вещей, – загадочно произнес Юстас.

– Каких это?

– Слушай, Джил, – сказал Юстас, помолчав, – мы ведь с тобой оба жутко ненавидим эту школу, точно?

– Еще бы, – сказала Джил.

– Значит, я тебе могу доверять.

– И на том спасибо, – отозвалась Джил.

– Так вот. Я тебе могу рассказать потрясающие вещи. Послушай, смогла бы ты поверить в разные такие штуки, над которыми другие смеются?

– Не знаю, не пробовала, – сказала Джил. – Наверное, сумею.

– Ты сможешь поверить, если скажу тебе, что я на каникулах побывал в другом мире?

– То есть как это?

– В другом мире, в смысле... ну ладно. В таком месте, где животные умеют разговаривать и где есть... ну... чудеса и драконы, и все прочее, как в сказках...

Ершу было так трудно все это объяснять, что он даже покраснел.

– А как же ты туда попал? – спросила Джил.

Почему-то она тоже смутилась.

– Способ тут один-единственный, – тихо сказал Юстас, – волшебство. Мы там были с моей двоюродной сестрой и братом. Нас туда просто... ну как это... унесло. А они там и раньше бывали.

Теперь, когда они заговорили шепотом, Джил стала как-то легче верить Юстасу. И вдруг ее охватило ужасное подозрение, и она сказала, на минуту став похожей на тигрицу:

– Если я только узнаю, что ты меня водишь за нос, я никогда больше не буду с тобой разговаривать. Никогда!

– Я не вру, – сказал Юстас. – Честное слово. Клянусь чем угодно.

(Когда я был мальчиком, мы клялись на Библии. Но Библию в Экспериментальной школе не жаловали).

– Ладно, – сказала Джил, – верю.

– Ты никому не скажешь?

– Да ты что?

Оба они порядком разволновались. Но тут Джил оглянулась вокруг, увидела скучное осеннее небо, услышала, как с листьев падают дождевые капли, и вспомнила о всякой школьной тоске. В этой четверти было тринадцать недель, а прошло из них всего две.

– Ну и что толку? – сказала она. – Мы-то ведь не там, мы здесь. И попасть туда ни за что не сможем. Да?

– Я и сам все думаю, думаю, – отозвался Юстас. – Когда мы вернулись из Того Места, Он нам сказал, что эти ребята, Певенси, мой брат с сестрой, туда больше не попадут, они там уже три раза побывали. Наверное, им хватит. Но мне-то он ничего такого не говорил, а уж наверняка, сказал бы, будь мне туда путь заказан. Вот я и думаю, как же все-таки...

– ... Туда попасть? – подсказала Джил.

Юстас кивнул.

– Наверно, надо начертить на земле круг и написать в нем всякие таинственные слова непонятными буквами, и встать в него, и произносить разные заклинания?

– Нет, – сказал Юстас, поразмыслив. – Я тоже примерно так думал, только эти круги и заклинания все-таки чушь собачья. По-моему, они Ему не понравятся. Как будто мы Его хотим заставить что-то сделать. А мы Его можем только просить.

– Ты о ком говоришь? – спросила Джил.

– В Том Месте его зовут Аслан, – отвечал Юстас.

– Что за необыкновенное имя!

– Сам он еще необыкновенней, – торжественно сказал Юстас. – Ну что, попробуем? От просьбы вреда не будет. Давай-ка встанем рядом, а руки вытянем вперед, ладонями вниз..., как на острове Раманду...

– На каком таком острове?

– Потом расскажу. Наверное, ему понравится, если мы встанем лицами на восток, только где же тут восток?

Джил пожала плечами.

– Все девчонки такие, – проворчал Юстас, – никогда сторон света не знают.

– Будто ты знаешь, – рассердилась Джил.

– Я-то сейчас найду, если ты мешать не будешь. Есть! Восток там, где лавровые кусты. Будешь за мной повторять?

– Что повторять?

– Слова, которые я скажу. Ну...

И он начал:

– Аслан, Аслан, Аслан!

– Аслан, Аслан, Аслан! – повторила Джил.

– Впусти нас, пожалуйста, в...

И тут с другой стороны здания физкультурного зала донесся голос:

– Джил Поул? Прекрасно знаю, где она. Ревет за физкультурным залом. Привести ее?

Переглянувшись, Джил и Юстас нырнули в заросли лавра и начали карабкаться по скользкому склону, с завидной быстротой продираясь сквозь

кусты. В Экспериментальной школе никто толком не знал математики, латыни или французского, зато можно было научиться быстро и тихо скрываться, когда тебя разыскивали.

Через минуту-другую они остановились и, прислушавшись, различили за спиной шум погони.

– Хоть бы дверь оказалась снова открыта! – прошептал Юстас.

Джил кивнула. Заросли кустарника заканчивались каменной стеной. В ней имелась дверь, через которую можно было выйти на покрытую вереском пустошь. Дверь почти всегда была заперта. Но когда-то давно ее видели открытой, может статься, всего один раз, и этого было достаточно, чтобы школьники все время с надеждой дергали дверь. Ведь через нее так замечательно можно было бы незаметно удирать с территории школы!

Джил и Юстас, промокшие и перемазанные, – ведь они продирались сквозь кусты, согнувшись в три погибели, – добрались до стены. Дверь, как и положено, была заперта.

– Да, жди там, – сказал Юстас, сжимая дверную ручку, и вдруг вскрикнул: – Ой... Ура!

Ручка повернулась, и дверь открылась.

Секунду назад и Джил, и Юстас мечтали проскочить в дверь – если бы она оказалась открытой – одним махом. Но когда она и в самом деле распахнулась, они замерли от неожиданности.

Вместо серого, поросшего вереском склона, уходящего вверх, чтобы слиться там с бесцветным осенним небом, за стеной оказалось ослепительной яркости солнце. Таким оно бывает, когда июньским ясным днем распахиваешь после сна дверь сарая. Солнце высветило бусинки росы на траве и дорожки от скатившихся слез на лице Джил. Солнечный свет лился из какого-то места, очень смахивающего на другой мир. По крайней мере, такой зеленой и сочной травы Джил ни разу в жизни не видела, небо было голубое, а мелькавшие в воздухе создания были такие яркие, что вполне могли оказаться драгоценными камнями или огромными бабочками.

И хотя Джил всегда мечтала о такой стране, ей стало страшно. По лицу

Ерша было видно, что он тоже побаивается.

– Пошли Джил, – сказал он, едва дыша.

– А вернуться как? Это не опасно? – беспокоилась Джил.

В этот момент позади раздался противный, вредный голосок.

– Эй, Джил Поул, – пропищал голосок, – мы знаем, что ты там, вылезай.

Это была Эдит Джекл, не одна из них, но одна из их главных приспешниц.

– Скорей! – воскликнул Юстас. – Сюда. Давай руку!

И не успела Джил понять, что происходит, как он схватил ее за руку и протолкнул в дверь, прочь от школы, прочь из Англии, прочь из нашего мира, в То Место.

Голос Эдит Джекл умолк, словно его выключили, и сменился совсем другими звуками. Они исходили от летающих созданий, которые оказались птицами. Только напоминали эти звуки не птичий гам, а музыку, такую музыку, какую сразу не поймешь. И все же, несмотря на пение, Джил и Юстас ощущали, что здесь царит глубочайшая тишина. Из-за этой тишины, да еще потому, что воздух был удивительно свеж, Джил подумала, что они стоят на горной вершине. Юстас по-прежнему держал ее за руку. Джил повсюду видела деревья, похожие на кедры, только более высокие. Росли они редко, без подлеска, и лес далеко просматривался направо и налево. Всюду было одно и то же: ровная трава, птицы с желтыми, бирюзовыми и радужными перьями, голубые тени. В прохладном светлом воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка.

Это был одинокий лес.

Перед ними, над верхушками деревьев, было голубое небо. Они молча шли вперед, пока Юстас вдруг не вскрикнул: «Осторожно!» Джил отшатнулась назад. Они стояли на краю высокого утеса.

Джил была из тех счастливиц, которые не боятся высоты. Ей ничего не стоило подойти к самому краю пропасти. Так что она рассердилась на Юстаса за то, что он дернул ее назад. «Что я, ребенок, что ли?» – буркнула

она, и вырвала руку. А увидав, как Ерш побледнел, сделала презрительную гримасу.

– Ну, что с тобой?

Чтобы показать свою смелость, она встала совсем на краю, даже ближе, чем ей хотелось, и посмотрела вниз.

Тут она поняла, что Юстас не зря побледнел, потому что никакой утес в нашем мире не сравнится бы с этим. Представьте себя на вершине самой высокой горы, какая только существует. И представьте, что вы смотрите вниз, на самое дно пропасти. А потом вообразите, что пропасть эта еще в десять раз, в двадцать раз глубже. А еще представьте, что под вами в этой глубине проплывают небольшие белые комочки, похожие на овец, и вы вдруг понимаете, что это – облака. Не крошечные сгустки тумана, а огромные, пушистые, белые облака, большие, словно горы. И вот, наконец, между этими облаками вы впервые видите дно пропасти, и оно так далеко, что непонятно, лес это или поле, земля или вода. Зато видно, что от него до облаков еще дальше, чем от облаков до вас.

Завороженно глядя, Джил думала, что все-таки лучше бы отойти на шаг-другой от края, только перед Юстасом своего страха показывать не хотелось. Так она стояла, пока неожиданно не почувствовала, что лучше бы отойти поскорее от этого проклятого обрыва и никогда в жизни больше не смеяться над теми, кто боится высоты. Но шевельнуться она не смогла – ноги у нее словно отнялись. И перед глазами все поплыло.

– Ты что делаешь, девчонка ненормальная! – закричал Юстас. – Отойди!

Голос его словно доносился издалека. Джил почувствовала, как он вцепился в нее, но руки и ноги уже ее не слушались. В какой-то момент они с Юстасом стали бороться на самом краю обрыва. У нее внезапно закружилась голова, и она не совсем понимала, что делает, но две вещи запомнила на всю жизнь и нередко потом видела их во сне. Сначала она вырвалась у Юстаса из рук, и в ту же секунду он потерял равновесие и с ужасным криком сорвался в пропасть.

К счастью, у нее не оказалось времени предаваться мукам совести. На краю скалы вдруг оказался какой-то огромный светлый зверь. Он лег, свесился вниз и, что самое странное, принялся дуть. Не рычать, не фыркать, а

именно дуть своей широко раскрытой пастью. Дул он сильно и равномерно, как пылесос, только что не втягивал воздух, а выпускал. Джил была так близко к зверю, что ощущала дрожь, проходящую по всему его телу. Лежала она неподвижно, потому что не могла шевельнуться, и с удовольствием бы потеряла сознание, если бы это можно было делать по желанию. Наконец, она увидела далеко внизу крохотное черное пятнышко, улетающее одновременно вдаль и слегка вверх. Когда оно поравнялось с вершиной утеса, то было уже так далеко, что исчезло из виду. Оно двигалось с огромной скоростью. Джил не могла не подумать, что его уносит дыхание неведомого существа, лежащего рядом с нею.

Она обернулась и посмотрела на зверя. Это был лев.

Глава ВТОРАЯ. ДЖИЛ ПОЛУЧАЕТ ЗАДАНИЕ

Даже не взглянув на Джил, лев поднялся на лапы и дунул в последний раз. Затем, довольный своей работой, он повернулся и медленно прошествовал в лес.

«Это просто сон, самый обыкновенный сон, – подумала девочка.

– Сейчас я проснусь».

Но это был не сон, и она не проснулась.

– И зачем я только попала в это кошмарное место, – сказала Джил. – Юстас, небось, тоже знал о нем не больше меня. А если знал, то нечего было меня тащить сюда, не предупредив. Я не виновата, что он свалился. Если бы он не вцепился в меня, все было бы в порядке. – Тут она вспомнила крик Юстаса, падающего со скалы, и разразилась рыданиями.

Плакать неплохо, покуда льются слезы. Но рано или поздно они кончаются, и все равно приходится решать, что же делать. Вытерев слезы, Джил поняла, что ей страшно хочется пить. До сих пор она лежала ничком, а теперь села. Птицы больше не пели, и вокруг стояла мертвая тишина. Только один слабый, но упорный звук раздавался где-то вдалеке. Прислушавшись, она поняла, что это скорее всего журчание бегущей воды.

Джил встала и внимательно осмотрелась. Льва и след простыл, но он вполне мог скрываться где-то неподалеку среди деревьев. А может, этих львов было несколько? Но жажда заставила ее набраться смелости и отправиться туда, откуда доносился шум воды. Шла она на цыпочках, прокрадывалась от одного дерева к другому и на каждом шагу останавливаясь, чтобы оглядеться.

Стояла такая тишина, что девочка без труда различала, откуда раздается журчание. С каждым шагом оно становилось яснее, и вскоре Джил вышла

на открытую поляну. Чистый, как стекло, прозрачный ручей бежал сквозь траву совсем рядом с ней. Но хотя при виде воды Джил захотела пить в сто раз сильнее, она не бросилась к ручью, а застыла, как каменная, открыв рот.

На берегу ручья лежал лев.

Он разлегся, подняв голову и вытянув передние лапы, словно львы на Трафальгарской площади. Джил сразу поняла, что он ее увидел. Но взглянув на нее, зверь тут же отвернулся, словно не хотел ее замечать.

«Если я кинусь бежать, – подумала Джил, – он тут же меня догонит. А если подойду – попаду к нему прямо в пасть».

Как бы то ни было, она застыла на месте как вкопанная, не в силах отвести глаз от могучего зверя. Ей казалось, что она стоит так уже несколько часов. Вдруг она ощутила такую жажду, что ей стало все равно, съест ее лев или нет – лишь бы сначала напиться.

– Если ты хочешь пить, подойди и напейся.

Это были первые слова, которые она услышала с тех пор, когда Ерш говорил с ней на краю обрыва. Она стала оглядываться по сторонам, пытаясь сообразить, кто же это говорит, и тут голос повторил:

– Если ты хочешь пить, подойди и напейся.

Конечно, она тут же вспомнила рассказ Ерша о говорящих животных, и поняла, что это голос льва. И голос был чувствительным, глубоким, совсем необыкновенным. Страх ее не пропал, но стал каким-то другим.

– Разве ты не хочешь пить? – спросил лев.

– Ужасно хочу, – призналась Джил.

– Вот и попей, – сказал лев.

– А можно... то есть... вы не могли бы отойти в сторонку, пока я буду пить?

Вместо ответа лев только посмотрел на нее и зарычал. При виде его

неподвижного тяжелого тела Джил поняла, что с тем же успехом могла бы попросить об этом гору.

Вкусное журчание воды сводило ее с ума.

– А вы не могли бы пообещать не трогать меня, если я подойду?

– Я ничего не обещаю, – сказал лев.

Жажда так мучила Джил, что она незаметно для самой себя подошла на шаг ближе к ручейку.

– А вы едите девочек? – спросила она.

– Я поглотил немало девочек и мальчиков, мужчин и женщин, королей и императоров, городов и царств, – отвечал лев без всякого хвастовства, сожаления или гнева. Просто отвечал.

– Я боюсь подойти, – призналась Джил.

– Тогда ты умрешь от жажды, – сказал лев.

Джил и в голову не пришло не поверить ему, да и кто бы не поверил, встретив его взгляд. И она вдруг решилась. Превозмогая небывалый страх, она подошла к ручью, стала на колени и зачерпнула ладонью воду. Джил никогда не пробовала такой прохладной, освежающей воды. Она решила удрать от льва, как только напьется, но потом поняла, что это было бы опаснее всего.

– Подойди, – произнес лев.

Ей пришлось подойти. Она стояла почти между передними лапами льва, глядя ему прямо в глаза, но долго выдержать не смогла и опустила взгляд.

– Дитя человека, – сказал лев, – где же твой друг?

– Он упал с обрыва, – ответила Джил и добавила: – Сэр.

Она не знала, как обращаться к зверю, но обходиться без обращения было бы невежливо.

– Как же это приключилось, дитя человека?

– Он боялся, что я упаду со скалы, сэр.

– Почему же ты стояла так близко от края?

– Я хвасталась своей смелостью, сэр.

– Очень хороший ответ, дитя человека. Не делай так больше, – в этих словах не было прежней суровости. – Этот мальчик в безопасности. Силой моего дыхания он долетел до Нарнии. Но из-за того, что ты натворила, тебе будет труднее выполнить поручение.

– Какое поручение, сэр?

– То, ради которого я вызвал тебя с мальчиком из вашего мира.

Джил была очень озадачена. «Он меня с кем-то путает», подумала она, но не осмелилась сказать об этом льву. А сказать надо было, чтобы не вышло ужасного недоразумения.

– Выскажи свою мысль, дитя человека, – произнес лев.

– Я думала... понимаете... нет ли тут какой-нибудь ошибки? Нас с Ершом никто не вызывал. Это мы сами захотели сюда попасть. Юстас сказал, что надо попросить кого-то, я забыла, какое-то незнакомое имя, и он нас, может быть, впустит. Мы попросили, и дверь оказалась открытой.

– Вы бы не стали просить меня, если бы я этого не захотел, – сказал лев.

– Так вы и есть этот кто-то, сэр?

– Да, это я. А теперь выслушай поручение. Далеко отсюда, в Нарнии, один старый король горюет о том, что у него нет наследного принца. А где его единственный сын, похищенный много лет назад, и жив ли он еще – никто в Нарнии не знает. Но он жив. Я повелеваю тебе искать похищенного принца до тех пор, куда ты не найдешь его и не приведешь к королю.

– Но как же я его найду? – воскликнула Джил.

– Я объясню тебе, дитя, – сказал лев. Вот знаки, которые будут направлять твой поиск. Первый знак: оказавшись в Нарнии, Юстас сразу встретит своего старого друга. Юстас должен тотчас подойти к нему, и он очень поможет. Второй знак: вы должны отправиться из Нарнии на север, покуда не доберетесь до развалин города древних великанов. Третий знак: на одном из камней в этом разрушенном городе вы увидите надпись. Поступите согласно ее повелениям. Четвертый знак: вы узнаете принца, потому что он будет первым в Нарнии, кто попросит вас помочь ему ради меня, Аслана.

Лев, кажется, кончил. Джил решила, что надо ответить ему, и сказала:

– Спасибо вам большое. Мне все понятно.

– Дитя, – голос льва смягчился, – может быть, ты поняла меня не так хорошо, как тебе кажется. Первым делом перечисли мне по порядку все четыре знака.

Джил попробовала, сбилась, но лев поправил ее и заставил повторять снова и снова, покуда, наконец, она не запомнила все как следует. Он вел себя очень терпеливо, так что под конец Джил, набравшись храбрости, спросила:

– Скажите, пожалуйста, как же мне добраться до Нарнии?

– Силой моего дыхания, – отвечал лев. Оно понесет тебя на запад, как Юстаса.

– А я успею передать ему первый знак? Или это неважно? Ведь он, наверное, сам догадается подойти к своему старому другу, правда?

– Времени у тебя будет мало, – сказал лев. – Вот почему я должен отправить тебя немедленно. Ступай. Подойди к обрыву.

Джил отлично понимала, что торопиться приходится по ее собственной вине. «Если б я не валяла дурака, – думала она, мы с Ершом отправились бы в путь вместе. И он бы тоже услышал все наставления». Так что она послушалась льва. Но было страшно идти снова к пропасти, и особенно оттого, что лев шел не рядом с нею, а позади, и мягкие его лапы ступали бесшумно.

Она не дошла еще до края, когда услышала сзади голос льва: «Остановись, сейчас я начну дуть. Главное – помни, помни, помни мои знаки. Повторяй их: и просыпаясь по утрам, и вечером оправляясь спать, и пробуждаясь посреди ночи. Какие бы удивительные вещи ни случались с тобой, упорно следуй знакам. И еще об одном хочу предупредить тебя. Здесь, на горе, я говорил с тобой ясно – но в Нарнии такое будет нечасто. Здесь, на горе, воздух чист, и разум твой тоже чист, а в долине воздух уплотняется. Но не смущайся... Знаки, которые ты увидишь в Нарнии, будут не совсем такими, как ты представляешь. Вот почему так важно помнить знаки наизусть, не обращать внимания на их внешнюю оболочку. Не забывай об этом. Остальное несущественно. А теперь, дочь Евы, прощай...» «Голос становился все тише и в конце концов совсем затих. Джил обернулась. К своему изумлению, она обнаружила, что улетела уже на сотню с лишним метров от обрыва, а лев превратился в ярко-золотое пятнышко на его краю. Она боялась, что львиное дыхание будет грубым и резким; она в страхе стискивала зубы и сжимала кулаки. А дыхание оказалось таким нежным, что девочка даже не заметила, как отделилась от земли. И теперь под ней были только многие сотни метров воздуха.

Боялась она всего мгновение. Во-первых, мир под ней был так далеко, что казался чем-то совсем посторонним. И потом, плыть на львином дыхании оказалось удивительно удобно. Джил обнаружила, что может ложиться на спину или на живот, может поворачиваться во все стороны, точь-в-точь, как в воде, если, конечно, по-настоящему умеешь плавать. Она плыла со скоростью львиного дыхания, ветра не было, и воздух казался замечательно теплым. Она не чувствовала ничего похожего на то, что чувствуешь в самолете, не было ни шума, ни тряски. Если бы Джил доводилось когда-либо летать на воздушном шаре, она могла бы сказать, – что это похоже, но только лучше.

Оглянувшись, она впервые увидела, на какой огромной горе только что стояла. Непонятно было, почему такой пик не покрыт льдом и снегом, и Джил подумала, что в этом мире все, наверное, не так, как у нас. Потом она взглянула вниз, но из-за высоты не сумела даже разобрать, над сушей она летит или над морем, и с какой скоростью.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)